

Іоаннъ III.

Со вступлениемъ на престолъ Ивана III Васильевича для Московскаго княжества миновали тяжкія испытанія, годы постоянныхъ бѣдствій, и настала пора великихъ успѣховъ, которые сдѣлали изъ Московскаго княжества обширное русское государство, а изъ князя его — великаго государя вселы Руси.

Покореніе Новгорода. Настала пора для русскихъ еще независимыхъ земель соединиться съ Москвою. Первая очередь досталась Великому Новгороду.

Давно уже московскіе князья, съ самого Ивана Калиты, зорко слѣдили за Новгородомъ, старались подчинить его себѣ. Москва за это время постепенно усиливалась, а Новгородъ все слабѣлъ отъ внутреннихъ смутъ и настоящаго отпора Москвѣ дать не могъ, но причинялъ много непріятностей: то повольники новгородскіе грабили московскія земли, то въ Новгородѣ находили убѣжище московскіе враги. Особенно негодовалъ на Новгородѣ великий князь Василій

Темный, когда тамъ укрыли его лиходѣя Шемяку, и потому, покончивъ съ внутренней смутой, онъ хотѣлъ уже покончить и съ Новгородомъ. Только владыка новгородскій отвратилъ на этотъ разъ бѣду, выпросивъ у великаго князя пощаду. Великій князь ушелъ, взявъ 10.000 рублей за миръ, а въ Новгородѣ пошли думы, какъ быть: было видно, что бѣда не за горами, и новгородской вольности не уцѣлѣть. Одни примирились съ предстоявшей участью, но часть бояръ стала искать помощи противъ Москвы на сторонѣ. Изъ русскихъ князей помочь никто не могъ, всѣ они были бессильны, всѣ въ рукахъ московского князя. Оставалась Литва, въ которой теперь искали убѣжища всѣ опальные князья, всѣ побѣжденные противники Москвы. Къ ней-то теперь и рѣшили обратиться тѣ новгородские бояре, которые боялись и не любили Москвы. Среди нихъ большую силу имѣла вдова посадника — Мареа Борецкая съ своими сыновьями. Но не всѣ въ Новгородѣ думали такъ; иные, а въ особенности черные люди и духовенство, считали подчиненіе Литвѣ измѣнной православной вѣрѣ, такъ какъ литовскій князь былъ вѣры латинской, потому и не хотѣли думать о Литвѣ. Однако сторона Борецкихъ взяла верхъ, и за Москвою начались ссоры.

Иванъ III дѣйствовалъ осторожно, онъ послалъ сказать Новгороду: «Исправьтесь, отчина моя, имя мое держите честно и грозно по старинѣ, а я васъ, свою отчину, жаловать хочу и по старинѣ держу». Но спокойныя рѣчи Ивана не образумили его противниковъ. На шумномъ вѣчѣ богатая литовская сторона при помощи подкупленныхъ худыхъ мужиковъ - вѣчниковъ одержала верхъ, отправила послана къ литовскому князю Казимиру и заключила съ нимъ договоръ. Не помогли новыя увѣщанія Ивана и митрополита московскаго, и тогда московскій князь рѣшилъ смирить Новгородъ силою.

Созвавъ на совѣтъ своихъ братьевъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ, великій князь съ общаго одобрѣнія рѣшилъ ити на Новгородъ тотчасъ же, несмотря на лѣтнєе время (благопріятное для Новгорода съ его болотами), и послалъ разметныя грамоты въ Новгородъ. Пошли

съ нимъ по его приказу подручные русскіе и татарскіе князья, пошель тверской князь; даже Псковъ, младшій братъ Великаго Новгорода, сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду и сталъ на сторону московскаго князя. Всѣ имѣли противъ новгородцевъ злобу. Иванъ выпросилъ съ собою въ походъ у своей матери дьяка ея Степана Бородатаго: зналъ онъ хорошо лѣтописи и могъ попрекнуть новгородцевъ ихъ прежними неправдами и измѣнами московскимъ государямъ.

Уже близко къ Новгороду подошли полки московскіе, а помощи ему не было ниоткуда: не трогался Казимиръ литовскій, не шли на помошь и нѣмцы ливонскіе, у которыхъ искаль поддержки Новгородъ. Въ самомъ городѣ вышла распѣя: не всѣ хотѣли ити противъ московскаго князя, и литовская сторона силою выгоняла плотниковъ, гончаровъ и другихъ людей, не знавшихъ отроду ратнаго дѣла; непокорныхъ били и въ Волховъ бросали. Такое-то войско въ 40 тысячъ человѣкъ вывелъ посадникъ Дмитрій Борецкій (сынъ Мароы) противъ враговъ и встрѣтился на берегу Шелони съ передовыми московскими полкомъ всего въ 4.000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Даниила Холмскаго. Несмотря на численное свое превосходство, новгородцы были разбиты паголову и только убитыми потеряли 12.000 человѣкъ. Самъ посадникъ Борецкій попалъ въ плѣнъ и былъ казненъ по приказанію Ивана. Между тѣмъ на городѣ сказалась сейчасъ же вражда съ Москвою: хлѣба не стало. Среди смуты одолѣла, паконецъ, московская сторона, и владыка Феофиль пріѣхалъ съ челобитьемъ въ станъ Ивана. И Иванъ на этотъ разъ простили Новгородъ, далъ миръ по старинѣ, а за это проступокъ взялъ 15.000 рублей. Новгородъ обязался не споситься болѣе съ Литвою. Иванъ съ торжествомъ вернулся въ Москву, а Новгородъ зажилъ прежнею жизнью: попали старые споры, смуты и обиды отъ богатыхъ бѣднымъ людямъ. Но теперь новгородцы знали, гдѣ найти управу на обидчиковъ, и не только обращались съ жалобами къ князю въ его пріѣздъ въ Новгородъ, но и въ самую Москву їздили. Туда потянулись посадскіе поселяне, черницы, вдовы и всѣ обиженные, чего

никогда прежде не водилось и старыми грамотами запрещалось.

Разъ пріѣхали въ Москву два посла новгородскихъ Назарь и Захарь и въ челобиты назвали Ивана не господи-номъ, какъ прежде, а государемъ. Князь тотчасъ же по-слалъ своихъ пословъ спросить у новгородцевъ, какого они хотятъ государства. Какъ услыхали объ этомъ въ Нов-городѣ, созвонили въчче, поднялась смута, убили нѣсколь-кихъ московскихъ доброхотовъ: «Сбѣжались», говоритъ лѣ-тописецъ, «какъ пьяные; одинъ одно кричить, другой—дру-гое, и заговорили королю опять поддаться».

Получивъ вѣсть объ этихъ событіяхъ, Иванъ объявилъ митрополиту, матери, братьямъ, боярамъ и воеводамъ: «Съ чѣмъ присылали сами, чего и не хотѣлъ я у нихъ, государства, а они отъ того заперлись и на меня лжу положили», и по общему совѣту порѣшили казнить ослушниковъ войною. На этотъ разъ онъ подошелъ къ городу безъ боя, и влѣ-дыка Феофилъ снова явился посломъ къ московскому госу-дарю. Иванъ заявилъ свою волю: «Я хочу такого государства, какъ живу на Москвѣ. Какъ на Москвѣ, такъ хочу быть и въ отчинѣ нашей Новгородѣ». Тогда владыка, посадники и всѣ послы били челомъ, чтобы великій князь самъ ска-залъ, какъ его государству быть въ Новгородѣ, потому что здѣсь низовой пошлины (обычая) не знаютъ. «Наше госу-дарство великихъ князей, — отвѣчалъ Иванъ, — таково: вѣчу, колоколу въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать и всему остальному быть, какъ у насть въ Низовой землѣ».

Новгородъ смирился, его независимости и вольностямъ наступилъ конецъ. Мареа Борецкая и нѣсколько главныхъ противниковъ Ивана были отправлены въ Москву. Скоро и самъ великій князь двинулся изъ Новгорода, а за нимъ везли вѣчевой колоколъ, «и какъ привезенъ былъ и взнесли его на колокольницу на площади (Кремлевской) съ прочими колоколами звонити». Наступилъ конецъ и торговлѣ нов-городской и богатству знаменитому. Всѣ обширныя земли Великаго Новгорода, простиравшіяся на весь сѣверъ Рос-

сіи, вѣ томъ числѣ и Пермь и Вятка, были теперь присоединены къ Московскому княжеству.

Такимъ образомъ Московское княжество на сѣверѣ достигло Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, и среди его громадныхъ земель, какъ маленькие острова среди обширнаго моря, выдѣлялись еще независимыя Тверское и Рязанское княжества. Половина Рязанскаго княжества досталась Москвѣ по завѣщанію бездѣтнаго князя, вѣ другой же половинѣ малолѣтній князь былъ подъ опекой Москвы и тѣмъ сохранялъ видимую независимость. Сохранялъ свою волю и старый союзникъ, постоянно преданный Москвѣ, Псковъ. Тверской князь, предвидя неизбѣжную участь своего княжества, вздумалъ было ее предотвратить, обратившись, подобно новгородцамъ, за помощью къ Казимиру литовскому. Но этой помощи не хотѣли ждать младшіе князья тверскіе и тверекіе бояре; они покинули своего князя, били челомъ Ивану, и поступили на его службу. Послѣдній тверской князь бѣжалъ вѣ Литву, а Тверское княжество было присоединено къ Московскому государству. Полузависимые князья ярославскіе и ростовскіе уступили добровольно свои отчины Московскому князю, а вся Сѣверо-восточная Русь (за исключеніемъ половины Рязани и Пскова), вся Великороссія собралась подъ властью московскаго князя вѣ единое русское государство, и князь ея сдѣлался государемъ всія Россіи.

Сверженіе татарскаго ига. Не пристало такому государю быть чьимъ-нибудь данникомъ, а тѣмъ болѣе данникомъ Золотой Орды. Золотая Орда сама по себѣ уже не была страшна и не похожа была на прежнюю Орду временъ Батыя. Она раздѣлилась на три части: кромѣ Казанскаго царства, отъ нея отдѣлилось царство Крымское. Во времена Ивана III Золотой Ордой овладѣлъ ханъ Ахматъ, а Крымской — Менгли Гирей, и была между ними постоянная вражда; оба думали только, какъ бы истребить одинъ другого. Иванъ завелъ дружбу съ Менгли-Гиреемъ, обязался быть заодно съ нимъ на всѣхъ враговъ, а потому уже не боялся Золотой Орды. Онъ пересталъ оказывать прежнія почести ханскимъ посламъ и, наконецъ, совсѣмъ отказалъ Ахмату вѣ дани. (Преданіе говоритъ, что Иванъ даже оскорбилъ хана,

разорвавъ его грамоту и растоптавъ ханское изображеніе, которое называли басмой.)

Разгнѣванный Ахматъ пошелъ противъ Ивана войною. Видя, что на всемъ рубежѣ московскомъ его уже ждутъ войска Ивана, онъ прошелъ въ землю литовскую, такъ какъ князь литовскій Казимиръ былъ его союзникомъ, и хотѣлъ оттуда напасть на Московское княжество. Въ концѣ лѣта 1480 года онъ подошелъ къ границѣ московской, рѣкѣ Угрѣ (въ 170 верстахъ отъ Москвы), но переправиться не могъ, такъ какъ сюда уже поспѣшили русскіе отряды и заняли всѣ броды и перевозы. Скоро сюда собралось и все московское войско и стало на берегу Угры, имѣя передъ собою татаръ на противоположной сторонѣ рѣки. И вожди и воины ждали только приказа, чтобы кинуться на врага, чувствуя, что настало время нанести послѣдній ударъ татарамъ. Но великий князь думалъ не такъ. Велѣвъ только обронять переправы, онъ спѣшилъ приготовить къ осадѣ свою столицу, отправилъ на далекій сѣверъ жену и казну великокняжескую, приказалъ жечь посады вокругъ Кремля и переводить жителей въ безопаснѣй мѣста. Народъ видѣлъ эти приготовленія, смущался и ропталъ. Когда Иванъ, оставивъ войска, прѣѣхалъ въ Москву, въ народѣ слышались большія жалобы и упреки: «Когда тихо и спокойно ты, государь, безъ надобности тѣснишь насъ налогами, а въ бѣдѣ насъ покидаешь. Самъ разгнѣвалъ царя, не платя ему выхода, а теперь выдаешь насъ царю и татарамъ». Владыка ростовской Вассианъ, встрѣчая его въ Кремлѣ, назвалъ его бѣгуномъ и упрекалъ такими словами: «Зачѣмъ боишься смерти, ты вѣдь не бессмертный. Ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю нѣть смерти безъ року. Дай мнѣ, старику, войско въ руки,— увидишь, уклоню ли я лицо свое передъ татарами». Такъ думали всѣ русскіе люди, и собственный сынъ великаго князя, Иванъ Молодой, какъ его прозвали, отказалсяѣхать отъ войска въ Москву, когда получилъ приказъ отца. «Умру здѣсь, а къ отцу не пойду», сказалъ молодой князь.

А татары стояли на своемъ берегу рѣки, помохи отъ Литвы не получали, сами не осмѣливались переходить рѣку.

и только хвалились: «Даётъ Богъ зиму на васъ; когда всѣ рѣки станутъ, то много дорогъ будетъ на Русь». Дѣйствительно, подошла зима, начались первые морозы, а оба войска, татарское и русское, все еще стояли въ бездѣйствіи, раздѣленные рѣкой. 26 октября, наконецъ, рѣка Угра стала. Иванъ отдалъ приказъ войску отступать отъ рѣки на другое мѣсто, чтобы тамъ принять бой съ татарами. Но татары и не думали итти слѣдомъ за русскими: простоявъ на прежнемъ мѣстѣ еще двѣ недѣли, Ахматъ повернуль домой, пограбивъ съ досады земли своего союзника Казимира литовскаго за то, что тотъ не подалъ ему обѣщанной помощи. Дорогой Ахматъ былъ убить другимъ татарскимъ ханомъ, который напалъ на него, прельстившись добычей, а Иванъ вступилъ въ Москву, торжествуя избавленіе отъ врага и ига.

Такъ спала конечная тѣнь тяжкой татарской неволи, двѣсти сорокъ лѣтъ угнетавшей русскую землю. Иванъ первый изъ московскихъ князей могъ называть себя независимымъ государемъ. Скоро крымскіе татары совсѣмъ уничтожили Золотую Орду, и въ степяхъ нижней Волги стала бродить небольшая Орда, ханъ которой называлъ себя Астраханскимъ царемъ.

Отношеніе къ Литвѣ. Плохо пришлось отъ Ивана и другому врагу — польско-литовскому королю. Русское населеніе, подвластное Литвѣ, терпя притѣженіе за свою православную вѣру отъ католиковъ, искало помощи въ Москвѣ, и, область за областью, отдѣляясь отъ Литвы, добровольно отходили подъ власть московскаго государя. Иванъ считалъ своею вотчиной, своею собственностью всѣ русскія земли, еще оставшіяся во власти Литвы, и называлъ себя государемъ всѣя Руси.

Бракъ съ Софьей Палеологъ. Въ то самое время, когда Московское государство росло, крѣпло, возвеличивалось и постепенно избавлялось отъ власти магометанъ-татаръ, другое православное государство, древнее царство греческое, откуда нѣкогда пришло на Русь христіанство и просвѣщеніе, пришло къ окончательной гибели: въ 453 году азіатскій народъ турки овладѣли Царьградомъ и уста-

новили власть магометанъ надъ греками (и славянами Балканского полуострова). Послѣдній императоръ византійскій Константинъ XI Палеологъ погибъ, сражаясь на стѣнахъ Царьграда. Но его племянница царевна Софья спаслась въ Италіи и нашла убежище у римского папы. Папа римскій желалъ подчинить своей власти и русскую Церковь и потому, думая, что Софья будетъ ему пособницей въ этомъ дѣлѣ, предложилъ черезъ грековъ, бывавшихъ въ Москвѣ, Московскому государю руку Софьи. Иванъ въ то время былъ вдовъ и съ радостью принялъ предложеніе жениться на православной царевнѣ, наследницѣ древняго царскаго рода. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, матерью и боярами, онъ послалъ за царевною бывшаго у него на службѣ итальянца Ивана (Антона) Фрязина, денежнаго мастера. Въ 1472 году Софья прибыла въ русскую землю, и Пскову первому изъ русскихъ городовъ пришлось встрѣтить ее. Какъ услыхали псковичи, вѣрные друзья московскаго князя, обѣ ея приближеніи, начали медъ сытить и кормъ собирать, выѣхали къ ней навстрѣчу па пѣмецкій берегъ своего озера, привезли ее въ городъ со всей ся свитой и приняли съ великою честью. На княжьемъ дворѣ посадники, бояре и весь Псковъ потчевали ее виномъ, медомъ, всякими кушаньями, и всѣхъ пріятелей ея и слугъ, кормили и коней, и всѣ дарили ее, кто чѣмъ могъ, а отъ всего Пскова поднесли 50 рублей деньгами. И во всѣхъ попутныхъ городахъ Софьѣ оказывали такія же почести.

Смутились только русскіе люди, видя папскаго посла кардинала Антонія: одѣтъ онъ весь въ красное, идетъ впереди всѣхъ, а передъ нимъ несущъ крыжъ — крестъ латинскій на высокомъ древѣ. Смутило благочестивыхъ людей, что онъ напимъ иконамъ не кланяется и креста не кладеть на себя. Въ Москвѣ великій князь собралъ по этому поводу совѣтъ. На совѣтѣ митрополитъ заявилъ, что нельзя допустить для кардинала никакихъ почестей въ православной странѣ. «Не можно тому быть,—говорилъ онъ,—не только въ городъ войти, но и приблизиться не подобаетъ. Если позволить ему такъ учинить, то онъ въ ворота въ городъ, а я въ другія ворота изъ города выйду. Возлюбившій и

похвалившій чужую вѣру, тотъ всей своей вѣрѣ поругался». Великій князь послушался митрополита и запретилъ нести передъ кардиналомъ крыжъ: посланный бояринъ крыжъ отнялъ и въ сани спряталъ.

12 ноября Софья вмѣстѣ со свитой и папскимъ посломъ вступила въ Москву, и на другой день совершилось ея бракосочетаніе съ московскимъ государемъ. Папскій посолъ поднесъ государю дары отъ папы и началъ переговоры о соединеніи Церквей. Митрополитъ вступилъ съ нимъ въ споръ при помощи книжника Никиты Поповича, но кардиналъ недолго спорилъ; по словамъ лѣтописца, не могъ онъ одолѣть Никиту книжника и кончилъ споръ, сказавъ: «Нѣть книгъ со мною». Скоро онъ уѣхалъ обратно, и папа не достигъ цѣли, изъ-за которой сосваталъ Софью за московскаго царя.

Софья привезла съ собою въ Москву много новыхъ обычаевъ и порядковъ. Тамъ, въ Италии, откуда она прѣѣхала, она видѣла жизнь, не похожую на московскую; тамъ были въ то время большиѳ шумные города, величественные храмы, роскошные каменные дворцы; тамъ она видѣла почести и обряды, окружавшіе папу и другихъ государей.

Старая Москва. Москва мало походила на города Запада; на узкихъ улицахъ Кремля тѣсно лѣпились одинъ къ другому деревянные домики бояръ, среди которыхъ мало замѣтны были деревянныя же палаты великаго князя. Среди множества деревянныхъ храмовъ и домовъ выдѣлялось только нѣсколько небольшихъ каменныхъ храмовъ, которые были построены еще болышею частию Иваномъ Калитою и ко времени Ивана III отъ ветхости грозили разрушеніемъ. Даже городскія стѣны не казались каменными, потому что во многихъ мѣстахъ разрушились и были прикрыты деревянными заборами. Вокругъ кремлевскихъ стѣнъ было больше простору: тамъ вдоль улицъ тянулись заборы, за ними сады и огороды, среди которыхъ прятались дома московскихъ жителей. Множество прудовъ, маленькихъ рѣчекъ, обрывовъ, овраговъ, по которымъ извивались улицы, дѣлали Москву похожей скорѣе на большую деревню, чѣмъ на столицу обширнаго государства.

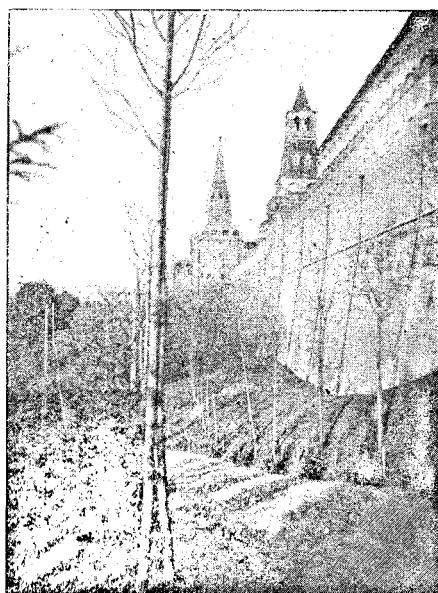
Переустройство столицы. Еще до женитьбы Иванъ задумалъ обновить и украсить свою столицу: вмѣстѣ съ митрополитомъ задумали они построить новый соборъ Успенія, такъ какъ старый храмъ еле держался, подпертый толстыми бревнами. Собравъ большую казну, владыка подрядилъ двухъ русскихъ мастеровъ каменнаго дѣла Ивашку Кривцова да Мышина со множествомъ работниковъ и велѣлъ построить имъ храмъ, подобный знаменитому Успенскому собору во Владимирѣ. Но не задалась постройка у русскихъ мастеровъ: работа послѣ шестилѣтнихъ трудовъ подхбила уже къ концу, оставалось только свѣсти своды, какъ вдругъ одна стѣна внезапно упала и церковь разрушилась. Опечалились государь и митрополитъ, увидѣли, что русскіе мастера позабыли строительное дѣло.

Въ это время въ Москвѣ уже жила Софья, ^и Иванъ, вѣроятно, по совѣту жены, рѣшилъ вызвать мастеровъ изъ Италии, славившейся своими художниками. Отправленный имъ посолъ послѣ долгихъ стараній нашелъ въ Венеціи архитектора, который согласилсяѣхать въ далекую страну, выговоривъ себѣ жалованья по 10 рублей въ мѣсяцъ. Этотъ архитекторъ именемъ Аристотель Фіоравенти былъ, по словамъ лѣтописи, «хитръ вельми, умѣль и церкви и палаты ставить, также и пушечникъ онъ нарочитъ лити ихъ и бити изъ нихъ, и колоколы и иное все лити». Пріѣзжій мастеръ осмотрѣлъ разрушенный храмъ, похвалилъ «гладость» сооруженія, но извѣсть похулилъ, сказавъ, что не клеевита. Онъ отказался поправлять полуразрушенное зданіе и рѣшилъ строить храмъ заново. Дивились москвичи, какъ быстро и искусно разбилъ онъ таранами уцѣлѣвшія стѣны, дивились и новымъ невиданнымъ способамъ постройки, и лѣтописцы усердно заносили въ свои сказанія каждую подробность въ построеніи нового храма. Черезъ пять лѣтъ, къ великой радости государя и всѣхъ москвичей, зданіе было готово: въ серединѣ Кремля, далеко возвышаясь надъ всѣми строеніями старинной Москвы, стоялъ величественный храмъ Успенія и донынѣ существующій — гордость Москвы и ея главная святыня.

Это было только началомъ строительной дѣятельности Ивана; одна за другой стали возводиться новые каменные церкви на мѣстѣ старыхъ деревянныхъ. Аристотелю не было времени заниматься теперь этими постройками; онъ былъ занятъ при государѣ пушечнымъ и колокольнымъ литьемъ, денежнымъ дѣломъ и даже походами съ новою артиллерию. Понадобились новые мастера, и Иванъ, отправляя пословъ за границу по какому-нибудь дѣлу, каждый разъ наказывалъ имъ искать и привозить мастеровъ. Такъ возникли существующіе нынѣ другіе кремлевские храмы.

Одновременно съ построениемъ храмовъ надо было подумать и о лучшей защите города. Цѣлыхъ 40 лѣтъ итальянские мастера строили новые кремлевскія стѣны и укрѣпили ихъ многими красивыми башнями или стрѣльницами, которые до сихъ поръ украшаютъ собой кремлевский холмъ: до нашего времени сохранились въ Спасскихъ воротахъ на каменныхъ плинтахъ надписи на русскомъ и латинскомъ языкахъ, которые гласятъ, что стрѣльница сооружена мастеромъ Петромъ-Антониемъ изъ города Милана.

Наконецъ уже въ послѣдніе годы жизни великій князь рѣшился разстаться съ своимъ старымъ деревяннымъ дворомъ и велѣлъ иноземцамъ построить себѣ каменный дворецъ, а подъ нимъ погреба и ледники, и другую большую палату для торжественныхъ приемовъ, которая по итальянскому обычаю была обдѣлана снаружи гранями, а потому называется и донынѣ Грановитою.

Кремлевскія башни въ Москвѣ.

Для безопасности Кремля отъ постояннаго бича — пожаровъ все пространство вокругъ стѣнъ было очищено отъ всякихъ построекъ, а за Москвою-рѣкою противъ Кремля на расчищенномъ мѣстѣ былъ разведенъ государемъ садъ, извѣстный тогда подъ названіемъ «Царицына луга».

Не однихъ строителей Иванъ вызывалъ изъ-за границы; своимъ посламъ онъ постоянно наказывалъ искать на Западѣ разныхъ мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другого мастера, который умѣеть отъ земли отдѣлять золото и серебро; также мастера хитраго, который бы умѣль къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣль изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика хитраго, да серебрянаго мастера, который бы умѣль большіе сосуды дѣлать и кубки, и чеканить бы умѣль и писать на сосудахъ. Въ числѣ другихъ мастеровъ привезены были и лѣкаря.

Тяжело приходилось иногда иноземцамъ въ Москвѣ; по грубости нравовъ того времени къ нимъ относились недовѣрчиво, какъ къ басурманамъ, обращались съ ними часто жестоко. Особенно печальна была участь докторовъ. Одинъ изъ нихъ Леонъ лѣчилъ старшаго сына велиокняжескаго Ивана Молодого и головой своей ручался, что исцѣлитъ его. Онъ старательно ухаживалъ за больнымъ, давалъ лѣкарства и внутрь и къ тѣлу прикладывалъ склянки съ горячей водой, но ничего не помогло, больной умеръ. Тогда государь, справивъ на сороковой день поминки по сыну, приказалъ отрубить Леону голову. Другой лѣкарь Антонъ также погибъ, не вылѣчивъ татарскаго князя, служившаго у Ивана.

Съ пріѣздомъ иностранцевъ, съ ихъ постройками измѣнился видъ Москвы: она стала величественнымъ городомъ, которымъ восторгались иноземные путешественники.

Мѣстничество. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились прежніе простые обычаи и порядки московскаго государева двора. Иванъ хотѣлъ и быть и казаться государемъ самодержцемъ всея Руси; онъ не хотѣлъ обращаться съ боярами такъ просто и по-дружески, какъ дѣлали это его предки. Между тѣмъ сами бояре, окружавшіе Ивана, не были похожи

на прежнихъ московскихъ бояръ: среди нихъ было много новыхъ и знатныхъ лицъ, это все бывшіе удѣльные князья, лишившіеся своихъ владѣній и служившіе Ивану въ качествѣ его бояръ. Всѣ они были такими же потомками св. Владимира, какъ и московскій князь, считали себя все еще равными ему, а его только старшимъ изъ князей. Они все еще не могли забыть своихъ прежнихъ счетовъ старшинствомъ и требовали, чтобы каждый изъ нихъ занималъ място соотвѣтственно своей знатности. Государю было отъ этого большое стѣсненіе. Нужно, напримѣръ, послать войско въ походъ и назначить въ полки начальниковъ-воеводъ, а бояре спорятъ, кому изъ нихъ быть главнымъ, кому подначальнымъ, смотря по роду. Или будетъ у государя пиръ, бояре также разсаживаются за столомъ такъ, чтобы тотъ, кто знатнѣе, сидѣлъ ближе къ государю; тутъ же за столомъ заводятся они споры между собой, и кому государь прикажетъ уступить, тотъ жалуется на поруху въ отечествѣ. Такой обычай бояръ считаться мястами назывался мястничествомъ. Мѣста, занимаемыя боярами за столомъ или въ походѣ, записывались каждый разъ въ особую книгу «разрядную»; и по этой книгѣ справлялись и сами они и ихъ потомки, когда снова имъ приходилось занимать мѣста другъ подлѣ друга.

Ненависть бояръ къ Софье. Такимъ князьямъ — боярамъ особенно было обидно, когда московский государь сталъ смотрѣть на нихъ свысока, и въ этой перемѣнѣ они винили Софью. «Какъ пришла сюда великая княгиня Софья съ греками, такъ и попали у насъ нестроенія великія», жаловались бояре и всячески старались разссорить великаго князя съ Софьей и ея сыномъ Василіемъ. На время имъ это удалось. Когда умеръ сынъ Ивана отъ первого брака Иванъ Молодой, бояре своими клеветами на Софью добились того, что государь отдалъ ее отъ себя, а сына Василія даже посадилъ въ тюрьму. По ихъ совѣтамъ онъ назначилъ себѣ преемникомъ внука своего Димитрія (сына Ивана Молодого) и торжественно по-греческому обычаю вѣничалъ его на царство. Этотъ обрядъ былъ совершенъ въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ молебна митрополитъ и ве-

ликій князь съли на возвышеніи на приготовленныя для нихъ мѣста, а Димитрій стоялъ передъ ними. Митрополитъ благословилъ его крестомъ и прочиталъ молитву, а великій князь возложилъ на внука бармы и шапку Мономаха. Послѣ службы Димитрій въ бармахъ и шапкѣ вышелъ съ великимъ княземъ изъ собора, и при выходѣ его трижды осыпали золотыми и серебряными деньгами. Недолго, однако, Димитрій считался наслѣдникомъ престола: Ивану стали извѣстны козни и крамолы бояръ. Иванъ разгневался и знатнѣйшихъ изъ бояръ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, подвергъ сурою карѣ: одному приказалъ отрубить голову, двухъ другихъ постричь въ монахи. Теперь государь примирился съ Софьей и перемѣнилъ свое рѣшеніе относительно наслѣдника: вѣчданного внука Димитрія онъ посадилъ подъ стражу, а великимъ княженіемъ благословилъ сына Василія.